

БРАК ПО ПРИНУЖДЕНИЮ,
ВОЙНА МЕЖДУ СЕМЬЯМИ,
ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ СОЖЖЕТ ДО ТЛА

КЛЯТВА ИЗ ПЕПЛА

LINA KAUFMAN

18+

Lina Kaufman

Клятва из пепла

«Автор»

2026

Kaufman L.

Клятва из пепла / L. Kaufman — «Автор», 2026

Иногда судьба связывает двух людей не потому, что они любят друг друга. А потому что только вместе они смогут пережить то, что уничтожит остальных. Она вошла в его дом как пленница. Он встретил ее как врага. Но иногда достаточно одного взгляда, чтобы вся ненависть начала трещать по швам.

© Kaufman L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена перемирия	5
Глава 2. Пока жива клятва	9
Глава 3. У алтаря с врагом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Lina Kaufman

Клятва из пепла

Глава 1. Цена перемирия

Кабинет отца пах сигарами, старой кожей и деньгами — тем особенным запахом власти, что въедается в стены дома, где решения принимаются мужчинами, а расплачиваются за них женщины. Я знала этот запах с детства. Знала его так же хорошо, как знала скрип третьей ступеньки на лестнице, ведущей в мою комнату, или то, каким тоном отец произносит имена людей, которых собирается уничтожить.

Сегодня он произнёс моё имя этим же тоном.

Я стояла посреди комнаты, в которой провела детство. Разговоры взрослых обрывались всякий раз, стоило мне войти сюда ребёнком — а потом, когда я выросла, стали обрываться ещё быстрее, потому что взрослая дочь опаснее ребёнка: она понимает, что слышит.

Часы на стене — тяжёлые, антикварные, доставшиеся деду ещё с Сицилии — отсчитывали секунды с той же безучастностью, с какой отец только что перечеркнул моё будущее. Тик. Тик. Тик. Каждый звук отдавался в моих висках громче предыдущего, будто пытался вбить в меня понимание того, что я уже услышала, но ещё отказывалась принять.

— Ты выходишь замуж за Винченцо Моретти, — произнёс он, не поднимая глаз от бумаг, разложенных на массивном столе красного дерева. Таким тоном обычно говорят о поставке вина. О сроках. О логистике. — Церемония через три недели.

— Ты издеваешься, — сказала я, хотя знала ответ ещё до того, как произнесла эти слова.

Сальваторе Романо не шутит. Это одна из немногих истин в мире, где ложь была валютой, а верность — товаром на продажу. Мой отец не умел шутить точно так же, как не умел проигрывать: это было органически невозможно для человека, построившего империю на страхе.

— Это конец войне, Елена. — Он наконец поднял на меня взгляд, и в его тёмных глазах я увидела не жестокость, а нечто более пугающее: холодную, расчётливую убеждённость человека, для которого моя жизнь была лишь одной из многих переменных в уравнении власти. — Тебе двадцать четыре. Пора повзрослеть и понять, чего стоит наша фамилия.

Война. Красивое слово для полутора лет непрекращающихся похорон. Для тишины, поселившейся в нашем доме с тех пор, как моего брата Марко нашли в багажнике его собственной машины на окраине города. Тело оставили там намеренно — с расчётливой жестокостью послания, адресованного всей нашей семье.

Я помню тот день с той тошнотворной ясностью, с какой помнят автомобильные аварии и предательства. Телефонный звонок в два часа ночи. Голос матери — тонкий, срывающийся, не похожий на её обычный голос. Отец, стоящий у окна спиной ко всем нам, будто если не поворачиваться, новость перестанет быть правдой.

Марко было тридцать один. Он должен был жениться следующей весной на девушке, которую любил вопреки желаниям семьи — редкая, почти абсурдная роскошь для наследника клана Романо. Вместо свадьбы у него были похороны, на которые пришёл весь преступный мир восточного побережья, чтобы засвидетельствовать: Романо потерпели поражение.

— Ты выдаёшь меня за человека, который убил Марко, — произнесла я, и голос предательски дрогнул на последнем слове, хотя я всю дорогу от своей комнаты репетировала, как сохранить непроницаемое спокойствие.

— Моретти не признал своей вины. — Отец снова опустил взгляд на документы, словно разговор был окончен, а мои боль и ярость — лишь досадная помеха среди более важных дел. — И перемирие держится на этом браке. Ты сделаешь это ради семьи.

Семья. Ещё одно слово, потерявшее для меня всякий смысл в тот момент, когда я поняла: семья — это не то, ради чего защищают друг друга. Семья — это то, ради чего продают дочерей, как разменную монету на переговорах между волками, притворяющимися людьми.

— А что, если я откажусь? — спросила я, хотя знала, что вопрос риторический.

Отец наконец отложил ручку. Посмотрел на меня так, как смотрят на инвестицию, внезапно давшую сбой.

— Тогда твоя мать похоронит второго ребёнка в этом году, только на этот раз это будет война, которую мы не выиграем. Моретти сильнее нас сейчас, Елена. Их армия больше. Их связи с политиками глубже. Единственное, что удерживает их от того, чтобы стереть нас с лица земли, — это возможность мира через твой брак. Ты хочешь, чтобы твоя мать потеряла обоих детей?

Удар был рассчитан идеально — в самое уязвимое место. Я подумала о матери, о том, как она постарела на десять лет за полтора месяца после смерти Марко, о морщинах вокруг её глаз, появившихся не от возраста, а от бессонных ночей.

— Когда я его увижу? — спросила я вместо ответа.

— Сегодня. Он будет здесь через час.

Час. У меня был всего час, чтобы примириться с мыслью о том, что человек, забравший у меня брата, — человек, чьё имя моя семья произносила с той же интонацией, с какой произносят имя дьявола, — через три недели станет носить моё имя рядом со своим. Что он получит право прикасаться ко мне. Спать рядом со мной. Делить со мной каждый рассвет до конца моих дней.

Я поднялась к себе, ноги едва слушались меня на каждой ступеньке широкой мраморной лестницы, я остановилась перед зеркалом в своей комнате — единственным свидетелем, которому я позволяла видеть себя настоящую, без брони иронии и холодного спокойствия, которую надевала для остального мира.

Женщина, смотревшая на меня из зеркала, не плакала. Она никогда не плакала там, где это могли увидеть.

Но внутри неё бушевал шторм, который, я подозревала, только начинал набирать силу.

Я села на край кровати и попыталась дышать. Просто дышать. Вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре — техника, которой меня научил школьный психолог много лет назад, когда я была девочкой, ещё не научившейся прятать эмоции так хорошо, как научилась теперь. Но техника не работала. Каждый вдох приносил новую волну паники, каждый выдох — новую волну ярости.

Марко. Мой Марко, с его дурацкими шутками и абсурдной привычкой насвистывать оперные арии не в такт. Марко, который был единственным в этой семье, кто разговаривал со мной как с человеком, а не как с активом. Мёртв. И теперь я должна была выйти замуж за человека, чья семья его убила — по крайней мере, так все считали, так шептались на каждом похоронах, на каждой поминальной службе, — и притворяться, что это часть какого-то высшего блага.

Раздался стук в дверь. Мягкий, извиняющийся стук — это могла быть только мать.

— Войди, — сказала я, поспешно вытирая глаза, хотя слёз не было. Только сухая, царапающая боль в горле.

Мать вошла и остановилась в дверях, будто не была уверена, что имеет право войти дальше. В её руках была шкатулка — старая, потёртая по краям, с гравировкой инициалов на крышке.

— Это принадлежало моей матери, — сказала она тихо, протягивая мне шкатулку. — Я хотела, чтобы это было у тебя перед... перед всем этим.

Внутри лежало простое золотое кольцо с маленьким сапфиром — не помолвочное, не свадебное, просто украшение, которое, судя по всему, значило для моей бабушки нечто личное, нечто не связанное с политикой кланов.

— Она носила его каждый день, — продолжила мать. — Даже после того, как вышла замуж за твоего деда по расчёту. Она говорила мне, что это единственная вещь, которая напоминала ей, что она — не только жена Дона Романо. Что где-то внутри неё всё ещё жила девушка с собственными мечтами.

Я взяла кольцо, почувствовала его тяжесть на ладони.

— Ты хочешь сказать мне, что это тоже станет моей судьбой? Раствориться в чужом имени, пока не останется ничего своего?

— Я хочу сказать тебе, — мать взяла мои руки в свои, — что ты сильнее, чем была я. Ты всегда была сильнее. Найди способ остаться собой. Что бы ни случилось.

После её ухода я долго сидела, вертя кольцо между пальцами, пытаюсь найти в её словах утешение и не находя его. Найти способ остаться собой — как будто это было просто. Как будто мир, в который меня толкали, оставлял хоть какое-то пространство для того, чтобы оставаться собой.

Он вошёл в дом моего отца так, будто дом принадлежал ему. Не наоборот. С той естественной уверенностью человека, привыкшего, что пространство подстраивается под него.

Я наблюдала за его прибытием из окна второго этажа — трусливая позиция, я знала это, но мне нужна была эта секунда преимущества, эта возможность изучить врага прежде, чем он изучит меня.

Три чёрных внедорожника. Восемь человек охраны, не считая водителей. И он — выходящий из среднего автомобиля с той неторопливой грацией человека, которому некуда спешить, потому что весь мир и так ждёт его расписания.

Первое, что я почувствовала, увидев Винченцо Моретти даже с такого расстояния, — не страх, хотя, вероятно, должна была. Что-то более сложное. Острое, почти физическое осознание того, насколько плотно он заполняет собой воздух вокруг, даже с высоты второго этажа, даже через стекло.

Он был высок — выше, чем я представляла по обрывочным описаниям, которые ловила краем уха в разговорах взрослых на протяжении последних полутора лет. Тёмный костюм сидел на нём так, будто портной снимал мерки не с тела, а с самой опасности, которую этот человек представлял.

Я спустилась вниз, когда меня позвали, каждый шаг по лестнице казался маршем на эшафот.

Он стоял в главной гостиной вместе с моим отцом, и вблизи впечатление лишь усилилось — тёмные волосы, зачёсанные назад с идеальной аккуратностью, глаза цвета старого виски — того сорта, что обжигает горло прежде, чем ты успеваешь понять, что уже сделал первый глоток. Резкие, породистые черты лица, которые в любом другом контексте я бы назвала красивыми, если бы позволила себе такую роскошь мысли.

Он смотрел на меня оценивающе, спокойно, как смотрят на актив, который необходимо изучить перед подписанием контракта.

— Синьорина Романо, — произнёс он, и в его глубоком голосе не прозвучало ни намёка на извинение, ни капли той вины, которую я так отчаянно жаждала услышать. — Наконец-то.

— Не думаю, что "наконец-то" — подходящее слово для человека, которого выдают замуж за убийцу собственного брата, — ответила я, вложив в голос столько яда, сколько смогла собрать за несколько секунд.

Отец за моей спиной резко втянул воздух — явно ожидал более покорного приветствия. Но Винченцо лишь чуть склонил голову набок, будто мой ответ его заинтересовал, а не оскорбил.

Что-то мелькнуло в его лице — не вина, нет. Что-то более острое и быстрее, промелькнувшее и тут же спрятанное за маской ледяного спокойствия прежде, чем я успела разобрать его истинную природу.

— Я не убивал вашего брата, — сказал он тихо, но твёрдо.

— Конечно, нет, — отозвалась я сладким голосом, каким обычно разговаривают со змеями перед тем, как отступить на безопасное расстояние. — Просто он погиб случайно, ровно в тот момент, когда ваша семья решила поставить точку в территориальном споре.

Он подошёл ближе — не настолько, чтобы это выглядело угрозой для наблюдателей, замерших у стен комнаты, но достаточно, чтобы воздух между нами стал плотнее, наэлектризованным той опасной энергией, что предвещает бурю.

— Вы можете ненавидеть меня сколько угодно, Елена. — Моё имя в его устах прозвучало как нечто украденное, присвоенное без спросу. — Но советую выбирать врагов внимательнее. Я не был тем, кто отдал приказ.

— Тогда кто был? — спросила я, затаив дыхание в ожидании ответа, который мог перевернуть всё, что я знала.

Он не ответил. Просто смотрел на меня — долго, слишком долго для человека, который якобы ни в чём не виноват, — это был взгляд, полон загадок, что я тогда ещё не сумела разгадать: то ли сдерживаемой правды, то ли собственной боли, скрытой так же глубоко, как и моя.

Отец кашлянул, разряжая напряжение.

— Обсудим детали церемонии, — сказал он, указывая на кабинет. — Елена, оставь нас.

Меня выставили из комнаты, как ребёнка, как будто обсуждение моего собственного брака не требовало моего присутствия. Я осталась стоять в коридоре, кипя от унижения, прислушиваясь к приглушённым голосам за дверью — деловой тон, обсуждение территорий, списков гостей, вопросов безопасности, как будто это была не свадьба, а слияние корпораций.

Через несколько минут дверь открылась, и Винченцо вышел один, явно направляясь к выходу.

— Три недели, — сказал он, останавливаясь напротив меня в коридоре. — У вас есть три недели, чтобы возненавидеть меня как следует, прежде чем придётся делать вид, что вы этого не делаете. Советую использовать это время с умом.

— Я не нуждаюсь в советах от вас.

Уголок его губ дрогнул — почти улыбка, но не совсем.

— Как скажете, синьорина Романо. — Он развернулся, чтобы уйти, но остановился у самой двери. — Кстати. Мне жаль о вашем брате. Что бы вы обо мне ни думали — мне действительно жаль.

Он ушёл прежде, чем я успела ответить, оставив меня стоять в коридоре с ощущением, будто меня раздели догола посреди дома, полного вооружённых свидетелей.

Через три недели я стану его женой.

Той ночью, глядя в то же зеркало, я поклялась себе трижды: я никогда не полюблю Винченцо Моретти. Я никогда не прощу ему смерть Марко, признал он вину лично или нет — потому что даже если он сам не нажимал на курок, его фамилия убила моего брата так же верно, как если бы он держал оружие своими руками. И я никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволю ему увидеть меня слабой.

Три клятвы, произнесённые с яростной убеждённой девушки, ещё не подозревающей, как быстро горят подобные обещания под напором того, что ждало её впереди.

Я легла спать с кольцом бабушки на пальце — единственным, что принадлежало лично мне в надвигающейся буре, — и мне снился Марко. Живой. Смеющийся. Предупреждающий меня о чём-то, чего я не могла расслышать сквозь туман сна.

Глава 2. Пока жива клятва

Марко был на семь лет старше меня — единственный человек во всей нашей семье, разговаривавший со мной так, будто я не была будущей разменной монетой на переговорах отца, а живым человеком с собственным мнением, имеющим значение.

Он научил меня стрелять, когда мне было пятнадцать — тайно, вопреки строжайшему запрету отца, который считал, что девочкам из хороших семей не положено касаться оружия, только украшать собой приёмы, где решаются судьбы кланов. "На случай, если тебе когда-нибудь придётся защищаться от мужчины, который решит, что твоё 'нет' ничего не значит", — сказал он тогда, и в его голосе была та смесь нежности и ярости, которая делала его моим самым надёжным защитником в мире, где надёжности не существовало.

Он умер во вторник. Я не помню, что ела накануне и о чём говорила утром того дня, но помню момент, когда мой мир перестал быть прежним. С тех пор вторники приходят вместе с тяжестью в груди, словно само тело отказывается забывать то, что память так отчаянно пытается отпустить.

Я узнала о его смерти от матери, чей голос по телефону звучал так, будто вырывался из горла, стиснутого невидимой рукой. Я помню, как уронила телефон. Помню звук, с которым он ударился о мраморный пол моей квартиры — звонкий, почти музыкальный, абсурдно неуместный на фоне того, что я только что услышала.

Официальная версия, которую мне рассказали шёпотом, наполненным фальшивым сочувствием, звучала просто и лживо одновременно: Марко вёл переговоры от имени отца по спорной территории на границе с районами Моретти. Переговоры сорвались. Через два дня его нашли. Пуля, машина, окраина города. Банальный, грязный почерк мафиозной войны, где не бывает изящных решений — только трупы и молчание, которое давит тяжелее любого крика.

Отец обвинил Моретти немедленно, не имея ни единого доказательства. В нашем мире истина редко имела значение. Ему хватило того, что спорная территория уже через месяц после похорон моего брата перешла клану Моретти — совпадение слишком удобное, чтобы его игнорировать, и слишком шаткое, чтобы назвать правдой.

Я помню, как стояла на кладбище в чёрном платье, которое было мне велико — мать в панике купила первое попавшееся, руки её так сильно дрожали, что она не могла подобрать нужный размер. Я думала не о горе, которое, казалось, должно было раздирать меня изнутри. Я думала о холодной, кристально ясной ярости. О такой ярости, что не кричит и не рыдает на публике, а оседает где-то глубоко внутри. Свернувшись, как змея, готовая ждать сколько потребуется своего часа для удара.

На похоронах я стояла между родителями, наблюдая за океаном чёрных костюмов, текущим мимо гроба нескончаемой рекой соболезнований, которые никого не утешали. Каждое рукопожатие казалось ещё одним слоем лжи, нанесённым поверх настоящего горя.

Именно там я впервые услышала имя Моретти, произнесённое вслух в контексте вины — от кузена, который слишком много выпил на поминках и слишком громко шептал соседу теорию заговора, ходившую по кланам с самого дня убийства.

— Ты можешь отказаться, — сказала мать вечером после того, как отец объявил о браке, найдя меня в саду — единственном месте нашего огромного дома, где ещё можно было дышать полной грудью без ощущения, что каждое произнесённое слово подслушивают стены.

— Могу ли? — Я посмотрела на неё, на морщинки тревоги, прочертившие её некогда безупречное лицо за последние полтора года скорби. — А что будет с отцом, если перемирие рухнет? Что будет с тобой? С Софией?

Моя младшая сестра, семнадцать лет, всё ещё не до конца понимающая, насколько хрупким может быть мир, построенный на крови, страхе и молчаливых договорённостях мужчин,

никогда не спрашивающих согласия у женщин собственной семьи. София, которая всё ещё верила, что однажды выйдет замуж по любви, потому что никто пока не сказал ей правды о том, чего на самом деле стоит фамилия Романо.

Мать промолчала долгую, тяжёлую минуту. Это молчание было красноречивее любого ответа.

— Я сделаю это, — сказала я наконец, чувствуя, как каждое слово стоит мне частицы прежней себя. — Не ради отца. Ради тебя и Софии. Но я не буду притворяться, что простила.

— Никто и не просит тебя прощать. — Она сжала мою руку своими холодными, тонкими пальцами. — Просто выживи в этом браке. Остальное неважно.

Выжить. Как будто брак был полем боя, а не союзом двух людей, обещающих делить жизнь друг с другом. Хотя, возможно, для женщин нашего мира разницы между этими двумя понятиями никогда и не существовало по-настоящему.

Я вернулась в свою комнату той ночью и достала старую коробку с фотографиями — то небольшое, что у меня осталось от детства с Марко. Фотография, где нам с ним по двенадцать и семь: он держит меня на плечах на пляже в Амальфи, оба смеёмся так, будто ничего в мире не может причинить нам вреда. Другая — выпускной Марко из университета, гордая улыбка отца, единственный раз, когда я видела его действительно счастливым за всю мою жизнь.

Я долго смотрела на эти снимки, пытаюсь запомнить лицо брата таким, каким оно было до того, как страх и месть исказили каждое воспоминание о нём.

Лежа без сна, глядя в потолок своей комнаты, украшенной вещами, которые больше не казались принадлежащими мне, я повторила три клятвы, произнесённые ранее перед зеркалом. И добавила к ним ещё одну, четвёртую, самую важную: что бы ни случилось, я найду способ узнать всю правду о смерти Марко. Даже если она разрушит всё, во что я верила.

Четыре клятвы. Через несколько месяцев я не смогу вспомнить ни одной из них без горькой, почти истерической иронии.

За два дня до свадьбы отец вызвал меня в кабинет — на этот раз без деловых бумаг на столе, только бутылка виски и два стакана, что само по себе было необычно: Сальваторе Романо не пил с дочерьми, он пил с сыновьями, партнёрами, людьми, чьё мнение имело значение.

— Ты знаешь, почему я выбрал именно этот путь? — спросил он, наливая себе, не предлагая мне.

— Потому что тебе нужен мир больше, чем месть.

— Потому что мне нужна ты живой больше, чем мне нужна месть, — поправил он, и в его голосе прозвучало что-то, отдалённо похожее на человечность, которую я не видела в нём с похорон Марко. — Ты не понимаешь, Елена, насколько близко мы подошли к полному уничтожению после смерти твоего брата. Моретти могли стереть нас с лица земли за одну ночь, если бы захотели. Этот брак — не только цена мира. Это цена твоей жизни, жизни твоей матери, жизни Софии.

— Тогда зачем ты обвинил их публично, если знал, что мы настолько уязвимы?

Отец долго молчал, вращая стакан в руке.

— Потому что политика требует врага, — сказал он наконец. — А народ требует справедливости, даже если справедливость — это иллюзия. — Он посмотрел на меня внимательнее. — Ты задаёшь правильные вопросы, Елена. Возможно, слишком правильные для твоего же блага.

Это был первый раз, когда я почувствовала: отец знает больше, чем говорит. И этого знания было достаточно, чтобы зародить во мне семя подозрения, которое взойдёт лишь через много месяцев.

Глава 3. У алтаря с врагом

Свадебное платье стоило больше, чем большинство людей зарабатывают за целый год честного труда, и было настолько же бесполезным индикатором истинного счастья, насколько бесполезен искусный макияж на похоронах.

Утром в день свадьбы я стояла перед зеркалом три часа, пока команда стилистов превращала меня в идеальную невесту клана Романо — волосы, уложенные в сложную причёску с фамильной диадемой, макияж, скрывающий тени под глазами от бессонных ночей, платье, каждый стежок которого был выверен так, чтобы демонстрировать богатство семьи, но не сексуальность невесты — это было бы неуместно на свадьбе, являющейся, по сути, дипломатическим договором.

София помогала мне одеваться, её пальцы дрожали от волнения — не за меня, поняла я тогда с болью, а от предвкушения собственного будущего, которое, как она наивно верила, будет отличаться от моего.

— Ты выглядишь как принцесса, — прошептала она, поправляя фату.

— Принцессы в сказках выходят замуж по любви, София.

— Может быть, у тебя тоже так будет, — сказала она с той упрямой надеждой юности, которая ещё не столкнулась с настоящей жестокостью мира. — Может быть, вы полюбите друг друга со временем.

Я не ответила, только сжала её руку, не желая разрушать последние крохи её невинности своим цинизмом.

Церковь оказалась забита людьми из обеих семей — Романо по одну сторону прохода, Моретти по другую. Невидимая линия фронта, прочерченная через святое место с той же беспощадной чёткостью, с какой её обычно чертят на территориальных картах преступного мира. Я насчитала минимум дюжину вооружённых людей у каждого входа, замаскированных под обычных гостей, но недостаточно хорошо, чтобы обмануть глаз, привыкший к подобным мероприятиям.

Я шла к алтарю под руку с отцом, чувствуя на себе взгляды десятков людей. Каждый из них прекрасно понимал скрытую суть происходящего: это не было свадьбой в традиционном понимании этого слова. Это было подписание перемирия — просто обставленное белыми цветами и дорогим вином вместо адвокатов и оружия.

Винченцо ждал меня у алтаря. В свете, льющемся сквозь высокие витражные окна, он выглядел почти неприлично красивым — то раздражающее сочетание опасности и элегантности, которое, как я подозревала, он культивировал так же тщательно, как культивировал собственную устрашающую репутацию. Чёрный смокинг, идеально сидящий на широких плечах, тёмные волнистые волосы, глаза, следящие за моим приближением с интенсивностью, которая заставила мой пульс участиться вопреки всей моей ненависти к этому человеку.

Он посмотрел на меня, и что-то в его тёмном взгляде на мгновение смягчилось — не нежность, определённо не нежность, скорее узнавание. Как будто он видел во мне то же самое зеркальное отражение, что я видела в нём: человека, превращённого в инструмент чужих амбиций, лишённого права голоса в собственной судьбе.

Священник произносил слова церемонии — древние, торжественные слова, которые сегодня значили не больше, чем строчки юридического контракта. Мы обменялись клятвами, которые не значили абсолютно ничего для нас двоих лично и значили всё для двух семей, наблюдавших за этим действием с холодным расчётом.

— Кольца, — произнёс священник.

Его пальцы, надевающие тяжёлое золотое кольцо на мою дрожащую руку, оказались неожиданно тёплыми. Удивительно осторожными — как будто он боялся сломать что-то хруп-

кое, что явно не собирался беречь с искренней нежностью. Наши глаза встретились на долю секунды дольше необходимого, и я увидела в его взгляде что-то похожее на извинение — за что именно, я тогда ещё не понимала.

Когда пришло время моих слов, мой голос дрогнул лишь однажды — на имени "Винченцо", будто само это слово было проклятием, которое я произносила против собственной воли.

— Объявляю вас мужем и женой, — произнёс священник. — Вы можете поцеловать невесту.

Первый поцелуй перед свидетелями обеих семей был коротким, формальным — губы едва коснулись моих, достаточно для соблюдения ритуала, недостаточно для намёка на что-либо большее. Но даже этот целомудренный контакт послал странную дрожь через моё тело, дрожь, которую я приписала отвращению, хотя часть меня уже тогда подозревала, что это было нечто более сложное.

Приём стал испытанием совершенно иного рода.

Огромный банкетный зал был украшен с той же расчётливой роскошью, что и всё остальное в этом браке — белые розы, символизирующие невинность, которой у меня давно не было, золотые детали, символизирующие богатство, которое стоило мне свободы.

Пьяный кузен одного из капо клана Моретти решил, что имеет полное право прокомментировать вслух, достаточно громко, чтобы слышали окружающие: "Надолго ли хватит терпения невесты Романо, прежде чем она сбежит обратно домой к папочке, поджав хвост?" Смех вокруг него оборвался слишком резко, слишком быстро.

Винченцо оказался рядом со мной прежде, чем я успела собраться с духом для ответа самостоятельно.

— Повтори, — произнёс он тихо, но с такой ледяной интонацией, что температура во всём зале, казалось, мгновенно упала на несколько градусов.

Кузен побледнел до синевы.

— Я просто пошутил, Дон Моретти...

— Ты оскорбил мою жену, — отчеканил Винченцо, и слово "жену" прозвучало из его уст странно, непривычно — как будто он пробовал новое понятие на вкус впервые в жизни и с удивлением находил его неожиданно подходящим себе. — Извинись. Немедленно.

Мужчина забормотал сбивчивые извинения, и Винченцо, даже не удостоив его больше ни единым словом, повернулся ко мне всем телом.

— Вам не нужно было это делать, — сказала я тихо, хотя внутри меня что-то предательски дрогнуло — не благодарность, нечто более сложное и неудобное для честного признания даже самой себе.

— Вы теперь носите моё имя, — ответил он, взяв два бокала шампанского с подноса проходящего мимо официанта и протянув один мне. — Оскорбление в вашу сторону теперь автоматически становится оскорблением в мою. Дело не в вас лично, Елена. Дело в принципе чести.

Ложь была настолько прозрачной, что даже он сам, кажется, не особенно старался сделать её убедительной для меня.

— Конечно, — отозвалась я, принимая бокал. — Принцип.

Наши пальцы соприкоснулись на холодном стекле бокала на долю секунды дольше, чем того требовала простая передача напитка. Ни один из нас не отдернул руку первым, хотя оба прекрасно осознавали, что должны были это сделать.

Первый танец молодожёнов последовал вскоре после этого инцидента — обязательный ритуал, который я репетировала неделями с учителем танцев, нанятым специально для этого случая. Его рука легла на мою талию с уверенностью, которая одновременно пугала и завора-

живала, и мы закружились под музыку, которую ни один из нас не выбирал, перед аудиторией, которая ждала любой трещины в нашем фасаде.

— Вы прекрасно танцуете, — заметил он тихо, ведя меня в танце с профессионализмом человека, привыкшего к балльным залам с детства.

— У меня было мало выбора в этом вопросе, как и во многих других сегодня.

— Туше, — Он позволил себе едва заметную улыбку. — Вы всегда так остры на язык?

— Только с людьми, чья фамилия ассоциируется со смертью моего брата.

Улыбка исчезла с его лица, сменившись чем-то более сложным для расшифровки.

— Я понимаю вашу боль, Елена, даже если вы не верите в мою непричастность.

— Понимание боли и признание вины — разные вещи, Винченцо.

Он не ответил, но его рука на моей талии сжалась чуть крепче, будто он хотел удержать не только моё тело в танце, но и что-то более неуловимое — моё внимание, возможно, или мой гнев, направленный именно на него, а не на неизвестность.

Это было первое едва уловимое предупреждение о том, что три моих торжественных клятвы окажутся куда более хрупкими, чем я самонадеянно рассчитывала в ночь перед этой свадьбой.

К концу вечера, когда гости начали расходиться, а обе семьи демонстративно обменивались рукопожатиями для фотографов, нанятых, чтобы задокументировать "историческое примирение", Винченцо наклонился ко мне достаточно близко, чтобы прошептать нечто, что услышала только я.

— Сегодня ночью я не буду настаивать ни на чём, кроме сна в разных комнатах, — сказал он. — Что бы ни думали о нас снаружи, я не насильник и не варвар, Елена. У вас будет время привыкнуть к этому новому миру в вашем собственном темпе.

Это признание — неожиданное, лишённое всякой необходимости, ведь по праву мужа он мог бы потребовать чего угодно в первую брачную ночь, — застало меня врасплох сильнее, чем любое оскорбление могло бы.

— Почему вы говорите мне это? — спросила я, не в силах скрыть подозрение в голосе.

— Потому что я предпочитаю, чтобы то, что произойдёт между нами когда-либо, произошло по вашему собственному выбору. Не по принуждению обстоятельств.

Он отошёл прежде, чем я успела найти ответ, оставив меня стоять с ощущением, что мир, в который я вошла сегодня, был куда сложнее и опаснее простой чёрно-белой картины врага и жертвы, которую я нарисовала себе за полтора года скорби и ярости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.